

МОРАЛЬ И ПРАКТИКА

А. Буллер

Мораль и язык большевизма*

Андреас Буллер (Andreas Buller) — доктор философских наук (Dr. Phil.). Министерство по социальным делам и интеграции земли Баден-Вюртемберг, Германия; Томский гос. университет; Государственный академический университет гуманитарных наук. Germany, 70173, Stuttgart, Else-Josenhans-Straße 6; e-mail: andreas.buller@gmail.com

Автор данной статьи ставит перед собой задачу показать, что организованная большевиками реформа языка – это нечто большее, чем просто техническая «реформа языка», ибо эта реформа охватила все сферы общественной жизни. Такое мощное влияние революционного языка объясняется прежде всего его тесной связью с моралью. В российской революции язык и мораль образовали собой единое целое. Более того, революционный язык и революционная мораль стали той теоретической базой, на основе которой новая власть смогла легитимировать организованные ею террор и репрессии. Однако по причине непрекращающегося и затянувшегося на десятилетия революционного террора это единство языка и морали стало постепенно подвергаться сомнению и разрушаться. Революционная мораль оказалась в опасности. На ее защиту в 1938 г. встал Лев Троцкий. При этом Троцкий попытался строго отделить мораль большевизма от морали сталинизма, но убедительно доказать правомочность своей попытки такого разделения революционной морали он не смог. Автора статьи, однако, более всего интересуют те (без)нравственные методы, с помощью которых Троцкий пытается оправдать большевистский террор и репрессии. Надо признать, что Троцкий стремится легитимировать не большевистскую, а революционную мораль как таковую. Последняя допускает, разумеется, в «высших» и «гуманных» целях, применение насилия и уничтожение определенных групп людей. Но даже и такой крупный теоретик революции как Троцкий натолкнулся на непреодолимые этические границы, которые не позволяют с помощью моральных аргументов

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 19–18–00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации». Funding: The reported study was funded by RFBR, project No. 19–18–00421 «Problem of historical responsibility: ethic-normative foundations, discursive practices and media representations».

легитимировать насилие. Попытка Троцкого продемонстрировала лишний раз, что этические нормы принципиально не позволяют оправдать безнравственные действия. В этом и заключается исключительное значение его этического анализа русской революции.

Ключевые слова: революционная реформа языка, язык и мораль, классовая борьба, классовая мораль, средства и цели человеческих действий, общественные условия и личная ответственность

Возникновение и распространение языка большевизма

Свой анализ языка и морали большевизма я начну со следующих вопросов: имеем ли мы право говорить о «языке большевизма» и если да, то является ли этот язык тоталитарным языком? Какое отношение язык имеет к морали? Несет ли человек ответственность за свой язык? Но, прежде чем я приступлю к поиску ответов на эти вопросы, одно короткое замечание. Летом 2019 г. я обратил внимание на небольшую статью Н. Антоненко «Языковая перестройка в ракурсе Великой российской революции»¹. В своей статье Антоненко приходит к следующему выводу: «Таким образом, реформа русской орфографии, задуманная в условиях имперской власти, по стечению обстоятельств завершилась при власти советской». Я, однако, посмею здесь возразить Антоненко, ибо считаю, что говорить здесь о «завершении реформы языка по стечению обстоятельств» по меньшей мере неуместно, потому что любое «завершение» предполагает продолжение начатого. Новая власть, однако, отказалась от продолжения дискуссий и осторожного поиска компромиссов в языковой сфере, осуществив в ней радикальную реформу. Это был «резкий поворот» в истории языка, который к тому же сопровождался ломкой языковых традиций во всех сферах жизни. 1917 год был настолько драматичным и трагичным моментом в развитии русского языка, что он был, скорее, не «завершением», а «началом» новой стадии в развитии языка.

Но имеет ли орфографическая реформа какое-то отношение к политической реформе языка? По моему убеждению, несомненно, имеет, ибо речь здесь идет о взаимосвязанных процессах. Орфографическую реформу русского языка 1918 г. невозможно ни объяснить, ни понять вне того событийного и исторического контекста, в котором она протекала. Невозможно, исследуя «языковые декреты» от 23 декабря 1917 и от 10 октября 1918 г., обойти вопросы о том, кем и для чего они принимались. Оба вышеупомянутых декрета были приняты Народным комиссариатом по просвещению (Наркомпрос), члены которого говорили на «своем» языке, т. е. языке большевизма. Этот язык стал распространяться не только на сферу образования, но и на другие сферы культурной жизни. Напомню, что в составе Наркомпроса, кроме отделов образования, находился литературно-издательский отдел, отдел изобразительных искусств,

¹ Антоненко Н. Языковая перестройка в ракурсе Великой российской революции. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/yazykovaya-perestrojka-v-rakurse-velikoj-rossijskoj-revoljutsii.html> (дата обращения: 28.06.2019).

а также театральный отдел. Все области культуры, которые контролировал Наркомпрос, охватила реформа политического языка. Новые правила правописания, таким образом, сопровождал и новый язык, который содержал в себе большевистские термины и понятия.

Что касается орфографической реформы, то ее непосредственные задачи были практически идентично сформулированы в первом предложении обоих языковых декретов:

в целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени... предлагается всем... в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию².

С большой вероятностью можно предположить, что советская власть принимала языковые декреты не только в целях облегченного усвоения русской грамоты, но и в целях облегченного восприятия революционных идей. Реформа правописания, в любом случае, являлась не *самоцелью*, но она была лишь *средством* достижения революционных целей. Эта реформа являлась составной частью обширных революционных преобразований, предпринятых как в социально-экономической, так и в культурной сферах. Поэтому в ней нельзя видеть отдельное и изолированное от других событий явление, но ее следует изучать в тесной взаимосвязи с другими событиями и процессами культурной жизни страны и прежде всего – в тесной взаимосвязи с процессами развития политического языка. Орфографическая реформа являлась составной частью комплексной реформы языка. Последнюю характеризуют следующие черты: (1) Революционная реформа языка охватила собой как письменную (орфографическая систематизация языка), так и устную (большевизация языка) речь. Эта реформа являлась одним из элементов всеобъемлющей «культурной революции», которая распространилась практически на все сферы общественной жизни. (2) Революционные преобразования преследовали цель не только реформировать язык, но и разрушить «старые» моральные ценности. Язык в этом случае служил эффективным «инструментом» для уничтожения старой и создания новой морали, поскольку он становился непосредственным участником как революционной борьбы, так и революционных преобразований. (3) Большевистская реформа языка превратила «язык меньшинства» в «язык большинства», сделав его доминирующим политическим языком, который вытеснил из общественной сферы конкурирующие языковые субкультуры (например, церковный язык или язык дворянских элит), определив на десятилетия вперед как мышление, так и моральные принципы (пост)революционного общества.

На последнем моменте я остановлюсь подробнее. «Язык меньшинства», под которым здесь имеется в виду большевистский язык, изначально включал в себя марксистскую терминологию, которая стала стремительно распростра-

² Декрет Народного комиссариата РСФСР от 23.12.1917 «О введении нового правописания» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства». 23.12.1917. № 40. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_Наркомпроса_РСФСР_от_23.12.1917_года_о_введении_нового_правописания (дата обращения: 26.01.2020).

няться в российской революционной среде уже с середины XIX ст. Практически все ключевые понятия революционного языка имели иностранное происхождение: *буржуазия, прогресс, революция, социализм, пролетариат, эксплуатация* и др. В советском русском языке со временем, однако, появились свои собственные слова и выражения, которые отсутствовали в языках левых партий и движений других стран. Примером подобных, специфически советских, понятий и выражений служат такие термины, как *коллективизация, кулачество, враг народа, контра, партийная чистка, ленинизм, сталинизм, троцкизм*. Но и эти термины стали постепенно пробиваться в другие языки, ибо их активно использовала иностранная пресса при описании событий в СССР. Таким образом язык большевизма стал приобретать интернациональный характер. Но был ли этот язык тоталитарным языком?

Без всякого сомнения, да. Язык большевизма изначально был тоталитарным языком. После прихода к власти большевики насильственными методами поставили под свой контроль прессу и ввели цензуру, которая постоянно усиливалась и ужесточалась. С 1917 г. большевистские слова и термины стали все больше заполнять собой страницы газет и журналов, звучать на собраниях и митингах, активно укореняться в армии, государственных органах, школах, ВУЗах и на предприятиях. Более того, они стали включаться и в законодательные акты, которые по этой причине стали принимать идеологический характер. Примером всеохватывающего влияния революционного языка на законодательные нормы служит революционное понятие «враг народа», которое в 1936 г. было включено в статью 131 Конституции СССР, просуществовав в ней до 1977 г.

Хотя, и здесь это необходимо особо подчеркнуть, большевики внедряли в русский язык не просто новые слова и понятия, а с помощью этих понятий распространяли свои политические и идеологические воззрения. Распространение революционного языка преследовало, таким образом, цель распространения и утверждения в обществе большевистского мировоззрения. Любые попытки избегать или же не применять, а тем более открыто критиковать большевистскую терминологию вызывали подозрение и немедленно пресекались органами безопасности, которые стремились контролировать не только общественную, но и личную сферу функционирования языка. Проверка личных писем, прослушивание телефонных разговоров, доносы на «контрреволюционные» и «вражеские» мнения и высказывания подтверждают это убедительно. С самого начала своего существования новая власть стала вести непримиримую и бескомпромиссную борьбу с сатирой и политическими шутками, которые, кстати, тоже вносили свою заметную лепту в развитие советского языка, обогащая его новыми терминами, о чем свидетельствует следующий анекдот о диссидентах:

- На кого подразделяются советские диссиденты?
- На сидентов, досидентов, отсидентов, пересидентов, ожидантов и вновьсидентов.

Более того, авторы анекдотов умело использовали для дискредитации марксизма также марксистскую терминологию. В одном из антисоветских анекдотов

на вопрос «Что такое дефицит с марксистской точки зрения?» давался ироничный ответ: «Это объективная реальность, не данная нам в ощущениях». Ответом на насильственное распространение революционного языка в общественной сфере явилось рождение и распространение антибольшевистской субкультуры языка, которая проявляла себя в форме анекдотов, частушек или шуток прежде всего в частной сфере.

В условиях тоталитарного режима анекдоты являлись, пожалуй, единственным средством противодействия идеологемам, которые повсеместно внедрялись в контролируемую государством сферу (средства массовой информации, армию, государственные органы, воспитательные и образовательные учреждения), преследуя одну цель – стандартизацию мышления. Последнее позволяет контролировать не только мысли, но и действия людей. Стандартизированное мышление является существенной характеристикой любого тоталитарного общества. В случае с большевистскими идеологемами речь шла о ключевых понятиях и терминах революционного языка, которые в условиях тоталитарного режима приняли застывшие формы и наполнились, можно сказать, вечным и неизменным содержанием³. Примером подобных идеологем служат такие слова, как «Ленин», «социализм», «коммунизм», «пролетариат», «борьба классов», которые в условиях советской власти невозможно было ни интерпретировать, ни дополнять, ни развивать, ни критиковать за исключением, пожалуй, частной сферы, которая служила последним прибежищем языковой свободы.

Надо сказать, что в истории советского государства идеологемы сыграли противоречивую роль. В начальный период советской истории они являлись своего рода идеологической «смазкой», которая сплачивала общество, гарантируя таким образом единство мнений и взглядов, что, в свою очередь, обеспечивало бесперебойное функционирование советской государственной машины. В позднесоветский период они, однако, стали терять доверие у большинства населения, ускорив таким образом разрушение той государственной машины, бесперебойную работу которой они какое-то время гарантировали. В 1980-е гг. такие понятия, как «пролетариат», «классовая борьба» или «коммунизм» с большим трудом вписывались в советскую реальность, а потому воспринимались обществом как анахронизмы. Было бы очень интересно описать эволюцию идеологем на протяжении XX ст. Хотя, если быть более точным, эволюцию в данном случае пережили не слова, а общество.

Но какое отношение большевистский язык имел к морали и имел ли он вообще к ней отношение? Большевистский язык, несомненно, имел самое прямое отношение к ней, ибо большевистские понятия и термины были не только «инструментами» революционного террора, но и служили средством его легитимации. В первые годы революции для того, чтобы подвергнуть человека репрессиям или физическому уничтожению, было вполне достаточно идентифицировать его как «буржуя», «эксплуататора» или «врага революции». Языковая идентификация «врага» служила, таким образом, законным, а часто

³ См.: Воробьева О.И. Политическая лингвистика: Политический язык как сфера социальной коммуникации. М., 2008. С. 12.

и единственным основанием для его ликвидации, о чем свидетельствуют исследования украинского юриста Л.М. Абраменко, который описывает организацию «красного террора» на Крымском полуострове в 1920/21 гг. В архивах Киевского КГБ сохранилось множество расстрельных дел на 100, 200 и более офицеров. Абраменко выбрал только одно из них – дело на 287 человек, которое, как и все другие расстрельные дела, было основано исключительно на анкетах. Последние позволяли выяснить социальный статус опрашиваемой персоны, не более того. Однако революционному трибуналу для принятия судебного решения было вполне достаточно одного только знания о социальном статусе человека. Судебный приговор революционного трибунала по вышеупомянутому делу на 287 человек был сформулирован следующим образом: «Принимая во внимание *доказанность* обвинения, всех выше поименованных в количестве двухсот восьмидесяти семи человек как *явных* врагов трудового народа и контрреволюционеров – расстрелять, имущество их конфисковать»⁴ (курсив мой. – А.Б.). Но разве это легитимно – расстреливать человека по причине его социального, профессионального или религиозного статуса? С точки зрения морали большевизма – да. Для того, чтобы понять этот невероятный факт, нам необходимо осознать связь между «революционным языком» и «революционной моралью».

Ключевые понятия большевистского языка являлись не только «политическими категориями», они выполняли еще и оценочные, т. е. нравственные функции. Такие выражения, как *враг революции, враг народа, контрреволюционер (контра), кулак, буржуй, помещик, эксплуататор* маркировали человека как врага. Но язык большевизма не только метил, он и клеймил людей. И тем не менее первопричина красного террора лежала, конечно, не только в языке, а в той осуществленной большевиками «переоценке ценностей», которую язык ярко отражал в своих терминах и понятиях. Революционный язык был, по сути, зеркалом развивающегося и расширяющегося процесса радикальной переоценки ценностей. Этот язык легитимировал уничтожение «вражеских элементов» с помощью маркирующих и клеймящих понятий – *враг революции, враг народа, контрреволюционер (контра), кулак, буржуй, помещик, эксплуататор*. Но были ли эти понятия каким-либо образом обоснованы в нравственном отношении? Ответ на этот вопрос нам может дать Лев Троцкий – единственный большевик, который попытался теоретически осмыслить мораль большевизма. В 1938 г. Троцкий публикует свою известную работу «Их мораль и наша»⁵, в которой он решительно отстаивает принципы большевистской морали, противопоставляя ее морали буржуазной. При этом Троцкий всеми силами стремится отделить «свою» мораль от морали Сталина, хотя речь здесь идет, по сути, об одной и той же, а именно – большевистской морали. Позже я еще вернусь к вопросу о том, почему он это попытался сделать. Сейчас же важно понять, почему Троцкий вообще начал «морализировать»? Почему он вдруг заинтересовался проблемами этики и морали? Причиной этого явилось развертывание и распространение террора

⁴ Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005. С. 7.

⁵ Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. М., 1992. С. 212–242.

в СССР в 1930-х гг. С усилением сталинского террора европейская пресса стала ставить знак равенства между преступлениями Сталина и Троцкого, что привело последнего в неопишемое негодование. «Нужна поистине предельная интеллектуальная и моральная тупость, чтоб отождествлять реакционно-полицейскую мораль сталинизма с революционной моралью большевиков»⁶, – гневно пишет Троцкий, который до глубины души был оскорблен сравнением своей деятельности с репрессивной практикой Сталина⁷. Троцкий видел свою главную задачу в том, чтобы оправдать свои, а вместе с тем и большевистские, действия.

Прежде чем я перейду к анализу главных аргументов, которые Троцкий высказал в своей работе, хотелось бы сказать несколько слов о ее теоретическом уровне. У занимающихся фундаментальными проблемами практической философии специалистов нет необходимости читать работу Троцкого, ибо она не внесла никакого вклада в развитие теоретических основ практической философии; но она представляет несомненный интерес для всех тех специалистов, которые занимаются исследованием истории коммунизма или марксизма, а также изучением основ марксистской и большевистской морали. Вышеупомянутая работа Троцкого является практически единственной попыткой теоретически легитимировать действия большевизма с *нравственной* точки зрения. С высоты нашего времени эту попытку можно назвать дерзкой. Ведь мы сегодня довольно хорошо информированы о тех преступлениях, которые совершила революционная власть.

Я обращусь к ключевым аргументам Троцкого, оставив при этом в стороне его неуклюжую попытку оправдать свои собственные действия, которые он характеризует как «большевистские» и которые он решительно противопоставляет сталинским действиям. Но этой его решительности не хватает надежной аргументационной базы, ибо его попытка разделить революционную мораль на «мораль большевистскую» и «мораль сталинскую», по моему убеждению, ничем не обоснована. Троцкий активно участвовал в создании той репрессивной машины, которую впоследствии перенял и усовершенствовал Сталин. Кроме того, Троцкий и Сталин действовали беспощадно и беспринципно по отношению к любым «врагам революции». По этой причине никакой разделяющей линии между преступлениями Троцкого и Сталина, за исключением одного момента, не существует. Вышеупомянутый момент заключается в том, что у Сталина в категорию «врагов революции» попали не только представители «старого режима», но и верные ленинцы. Однако те ключевые принципы, которых последовательно придерживались как Ленин и Сталин, так и Троцкий были одни и те же. Их суть можно изложить в одном тезисе – «цель оправдывает средства». Именно этот тезис стоит в центре всей этической аргументации Троцкого.

Я, однако, хотел бы указать еще на одну, более глубокую причину, которая побудила Троцкого решительно отстаивать мораль большевизма. Это причина чисто исторического характера. XIX столетию удалось успешно обосновать идею коммунизма с научной точки зрения. И это была прежде всего

⁶ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 228.

⁷ Гусейнов А.А. Этика Троцкого // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991. С. 264.

заслуга Маркса, который подвел под изначально утопическую идею научную базу. Но Маркс практически не уделил внимания этическому обоснованию насильственных действий – классовой борьбе, революции и диктатуре пролетариата. В нравственном отношении теория марксизма, хотя в ней речь и шла о справедливом обществе будущего, оставалась все-таки необоснованной⁸. Эта теория могла бы и дальше оставаться необоснованной, если бы не те реальные многомиллионные жертвы, которые были принесены во имя идеи коммунизма прежде всего народами бывшей Российской империи. После 20 лет непрерывных преступлений коммунистического режима против своего народа необходимость этического обоснования преступных действий большевиков стала осознаваться даже инициатором и организатором русской революции – Львом Троцким, который понимал, что «необходимость» уничтожения миллионов людей невозможно оправдать с точки зрения социально-экономического прогресса (но можно ли, вообще, оправдать «необходимость» уничтожения людей с какой-либо точки зрения?). Троцкий прекрасно осознавал тот факт, что для легитимации «красного террора» и последующего ему процесса систематического исключения, устранения и прямого уничтожения «классового врага» необходимы не только социально-экономические, но и нравственные аргументы. Поэтому он настоятельно нуждался в морально-этической аргументации. Тем более, что те обвинения, которые выдвинули против него его противники, базировались прежде всего на нравственных принципах и нормах. По этой причине Троцкий погружается в недра практической философии, но при этом он сохраняет полную преданность идеям марксизма, который исходит из своего фундаментального тезиса о том, что мораль есть «продукт классовой борьбы». Этому тезису придерживались все, без исключения, большевики. Но в отличие от других большевиков, Троцкий, несомненно, обладает довольно обширными знаниями в области нравственной философии, которые он мастерски использует для защиты своей позиции. По этой причине мы не можем «отмахнуться» от его главной этической работы которая, несомненно, заслуживает глубокого – как теоретического, так и методологического анализа. К этому анализу я и хотел бы обратиться.

Методы обоснования этических принципов Троцкого

Приступая к дискуссии с Троцким, надо постараться избежать ошибки, которую совершали другие философы, позволившие Троцкому *методологически* предопределить главное направление дискуссии, разделив человеческие действия по принципу цель – средство. Троцкий вполне сознательно поставил в центр своего этического анализа тезис «цель оправдывает средства», ибо этот тезис открывал ему выгодную перспективу для интерпретации преступлений большевизма, затрудняя при этом их четкую моральную оценку. Если следовать логике Троцкого, то совершенные большевиками действия являются одновременно и «добрыми», и «недобрыми», ибо всё, как он считает, зависит

⁸ Подробнее см.: Буллер А. В.С. Соловьёв и современность. М., 2018. С. 77–116.

от перспективы восприятия этих действий. Однако попытка разделить одно и то же действие по принципу «добрая цель» и «безнравственные средства» является принципиально недопустимой, ибо никакое действие не может быть одновременно и «добрым» (нравственным), и «злым» (безнравственным). На этот момент особо указывает А.А. Гусейнов, который справедливо считает, что «логику предметной целеполагающей деятельности человека, где цель действительно оправдывает средства, нельзя переносить на мораль. Мораль если и является целью, то особого рода – высшей, последней целью, “целью целей”, по выражению Аристотеля»⁹.

В случае с Троцким попытка разделить действие на «цель» и «средство» является еще и потому проблематичной, что та «цель», о которой говорит Троцкий, так и не была в реальности достигнута. Коммунистическое общество не было построено ни в 1938 г., когда Троцкий писал свои нравоучительные строки о морали, ни в 1990 г., когда основанное большевизмом государство неожиданно развалилось. Т. е. «цели», о которых говорит Троцкий, как это позже выяснилось, оказались недостижимыми, призрачными, фантомными и нереальными. А вот «средства» их достижения были вполне реальными. Более того, они были не только реальными, но и преступными, ибо они принесли многочисленные жертвы и нанесли людям неопишуемые страдания. Надо признать, что в реальной жизни цели и средства далеко не всегда гармонично взаимодействуют друг с другом. Но человек ведь для того и изобрел мораль, чтобы привести их каким-то образом к гармонии. Троцкий, однако, к такой гармонии не стремится, потому что для него важны одни только «цели», но не «средства» их достижения. Человек прошедшего столетия принес в угоду своих призрачных и фантомных целей невероятные жертвы. Но даже если бы он успешно достиг своих целей, то разве можно было бы тогда сказать, что тезис «цель оправдывает средства» заслуживает полного признания и одобрения? У таких выдающихся русских мыслителей как Н. Фёдоров, Н. Бердяев, С. Франк и С. Булгаков на этот вопрос имелся только один ответ: никакая цель не может оправдать преступлений против человека, потому что человек сам по себе является высшей целью. Все вышеупомянутые русские философы стояли на позициях кантовской философии, главным принципом которой являлся принцип безусловной и высшей ценности каждой отдельной человеческой жизни. Однако Троцкий с поразительной высокомерностью заявляет, что категорический императив Канта, «несмотря на занимаемое им на философском Олимпе высокое положение, не содержит в себе ровно ничего категорического, ибо ничего конкретного. Это оболочка без содержания»¹⁰. Позже в эту «оболочку без содержания» были сброшены миллионы трупов.

Этические принципы действительно редко содержат в себе конкретные рекомендации, что, однако, не мешает им определять рамки человеческих действий. Однако категорическое требование Канта – «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как

⁹ Гусейнов А.А. Этика Троцкого. С. 270.

¹⁰ Троцкий Л.Д. Их мораль и наша. С. 219.

к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹¹ – звучит ведь вполне конкретно. И тем не менее для Троцкого это требование являлось «пустой оболочкой». Но что Троцкого не устраивало в этой «оболочке»? А не устраивал его один момент: высказанное, причем высказанное в категорической форме, требование Канта о безусловной ценности каждой отдельной человеческой жизни не позволяло ему и другим революционерам совершать насильственные действия по отношению к «классовым врагам». В этом случае можно сказать, что мораль и язык вступили в явный конфликт, который испытал и сам Троцкий. С одной стороны, над ним нависало абстрактное требование Канта, требующее бережно обходиться с каждой человеческой жизнью, а, с другой, ему противостоял вполне реальный «классовый враг», уничтожение которого, как верил Троцкий, привело бы человечество к справедливому будущему. Эта дилемма была не только нравственной, но и языковой дилеммой, что нам ярко демонстрирует понятие «справедливость».

Маркс и большевики, несомненно, стремились к справедливому будущему. Но одно только стремление к справедливости не может служить нравственным обоснованием насильственных действий. Однако русские революционеры придерживались другого мнения и имели другие моральные убеждения, которые оказались губительны не только для страны, но и для самих революционеров, ведь революция 1917 г. стала панихидным звоном не только по царской России, но и по революционной интеллигенции. Стремление к справедливости превратило русского революционера в фанатично верующего марксиста, который не принимал никаких других теорий и концепций, кроме теории революционной борьбы. Об этом очень хорошо пишут авторы знаменитого сборника «Въхи» (1909), в центре внимания которого оказались как мораль, так и язык революционной интеллигенции. Уже веховцы прекрасно осознают тот факт, что между моралью и языком существует тесная взаимосвязь. Не случайно они основательно исследуют терминологию революционной интеллигенции, которая уже содержала в себе ростки будущей «этики большевизма». Последняя бесцеремонно отбросила в сторону не только практическую философию Канта, но и «этику чувства» (определение Троцкого). Последней Троцкий уделяет, однако, намного меньше внимания, ибо критиковать несостоятельность «этики чувства» для него намного сложнее, чем крушить «буржуазную мораль». Причина этого лежит в том, что человеческие чувства имеют все-таки не классовый, а общечеловеческий характер. Троцкий это прекрасно осознает, но по этой же причине он эту этику не признает. В своей статье Троцкий упоминает лишь одного представителя «морали чувств», а именно Энтони Эшли Купер, граф Шефтсбери. Помимо Шефтсбери к этому направлению относятся также Дэвид Юм, Жан-Жак Руссо, Адам Смит, Артур Шопенгауэр¹², а также великий русский философ Владимир Соловьев. Последний дает нам блестящий анализ эволюции чувства стыда, на основе которого у человека появились и развились и другие нравственные

¹¹ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 270.

¹² Подробнее см.: Буллер А. Этика чувств В.С. Соловьева в контексте европейской философии // Соловьёвские исследования. 2019. № 2. С. 66–82.

чувства (совесть, жалость, сострадание)¹³. Однако Троцкий ни одним словом не упоминает своего великого соотечественника, но он тем не менее верно замечает, что философия чувств выводит «нравственные суждения из особого “морального чувства” (moral sense)»¹⁴. Констатация этого факта приводит его, однако, к парадоксальному выводу о том, что «сверхклассовая мораль неизбежно ведет к признанию особой субстанции, “морального чувства”, “совести”, как некоего абсолюта, который является ничем иным, как философски-трусливым псевдонимом бога»¹⁵. Но тут Троцкий явно лукавит, ибо чувства совести и жалости проявляют не только люди верующие, но и атеисты. На этот момент особо указывает Шопенгауэр, который утверждает, что следующий чувству сострадания человек подчиняется не *внешнему* закону, в какой бы форме этот закон себя не проявлял, а *внутреннему* мотиву или же «чувствам», анализировать которые Троцкому абсолютно невыгодно, ибо нравственные чувства не знают ни классовых, ни расовых, ни национальных различий. Этика чувств требует, чтобы человек проявлял чувство сострадания к любому человеку, независимо от того, к какому классу или социальной группе он принадлежит. Но именно здесь, с точки зрения большевиков, и лежит ее главная проблема. Ибо нравственные чувства не позволяют революционеру беспрепятственно уничтожить «классового врага», совершать насильственную революцию и устанавливать «диктатуру пролетариата»¹⁶, но они призывают его быть милосердным и проявлять сострадание ко всем людям. Троцкий, таким образом, решительно отвергает как деонтологическую этику Канта, так и «этику чувства». Но что он предлагает нам взамен? Место свергнутых этических моделей занимает у него «этика пролетариата», которая, хотя и претендовала на универсальность, но тем не менее осталась групповой моралью.

Между групповой и универсальной моралью

Необходимо заметить, что важной составляющей моральной аргументации не только Троцкого, но и Маркса, служит представление о том, что мораль индивидуума определяется общественными отношениями. Троцкий утверждает:

Кто не хочет возвращаться к Моисею, Христу или Магомету, ни довольствоваться эклектической крошкой, тому остается признать, что мораль является продуктом общественного развития; что в ней нет ничего неизменного; что она служит общественным интересам; что эти интересы противоречивы; что мораль больше, чем какая-либо другая форма идеологии, имеет классовый характер¹⁷.

¹³ Подробнее см.: Буллер А. Теория стыда В.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2017. № 2. С. 22–30.

¹⁴ Троцкий Л. Д. Их мораль и наша. С. 214.

¹⁵ Там же. С. 214–215.

¹⁶ См.: Буллер А. В.С. Соловьев и современность. С. 77–109.

¹⁷ Троцкий Л. Д. Их мораль и наша. С. 218.

Марксисты, таким образом, ищут первопричину (без)нравственных действий человека в общественных отношениях. По этой причине Троцкий, кстати, утверждает, что «понятия правды и лжи родились из социальных противоречий»¹⁸. Это его суждение логично следует из марксистского представления о том, что классовое общество породило «классовую мораль», а коммунистическое общество неизбежно приведет к господству «коммунистической морали». Однако, если мораль порождает не человек, а «условия», то тогда ответственность за совершенные человеком поступки несет не человек, а те общественные условия, в которых он существует. Я здесь, однако, хотел бы задать читателю вопрос, который я самому Троцкому задать не могу: хотел бы читатель жить рядом с таким человеком или таким людьми, которые в состоянии поступать нравственно лишь в *нормальных* общественных условиях? Ведь необходимость «поступать нравственно» проявляет себя, как правило, в ненормальных, т. е. в несправедливых, жестоких, бесчеловечных и опасных – одним словом, *безнравственных* условиях. В идеальном обществе, каковым является коммунистическое общество, такая необходимость отпадает сама собой. Разве Троцкий этого не осознает? Троцкий это осознает, но для него тезис об «условиях», которые вынуждают человека поступать определенным образом, очень важен, ибо он позволяет ему оправдать его собственные действия. Троцкий стремится убедить нас в том, что он *вынужден* был действовать в таких условиях, в которых *человек нравственный* по-другому действовать не мог. Однако там, где человека поступать определенным образом вынуждают одни только условия, там мораль как таковая теряет всякий смысл. Человек нравственный не может переложить моральную ответственность за свои действия на «условия», какими бы эти условия ни были. Мы знаем, что подобную попытку предпринимали нацистские преступники, которые, ссылаясь на приказы командования и внешнее давление, стремились таким образом оправдать свои злодеяния. Но мы вынуждены задать и им, и Троцкому один и тот же вопрос: можно ли представить себе мораль без *индивидуальной ответственности*? Человеку дана свобода поступать определенным образом и эту свободу у него никто отнять не может. Также Троцкий имел свободу выбора как в революции, так и в Гражданской войне – он мог бы, например, порвать с большевиками, перейти на сторону белых, не участвовать в Гражданской войне, остаться за границей в 1917 г. или же в конце концов покончить жизнь самоубийством. Троцкий имел свободу выбора. И именно благодаря этой свободе он стал активным участником Гражданской войны, организатором «красного террора» и политики репрессий. Но став таковым он теперь несет свою – *личную* – ответственность за *свой* выбор и *свои* действия во время революции и Гражданской войны. Переложить свою *личную* ответственность на какого-то другого он теперь не может. Троцкий, впрочем, это хорошо осознает. Поэтому он не отрицает своей *личной* ответственности за совершенные им действия, но пытается их оправдать, ибо он хорошо понимает, если ему удастся доказать, что совершенные им аморальные поступки и действия являются не *преступными*, а *нравственными*, то тогда проблема «ответственности» отпадет сама собой

¹⁸ Троцкий Л.Д. Их мораль и наша. С. 231.

Но для того чтобы доказать это, он вынужден обратиться к принципам и нормам универсальной морали! И тут Троцкий оказывается в довольно противоречивой ситуации или, можно сказать, оказывается в ловушке, потому что, критикуя и низвергая общечеловеческие и универсальные ценности, он в тоже время в них остро нуждается! Таким образом, как справедливо замечает А.А. Гусейнов, «пьедестал, с которого низвергнута вечная мораль, не разрушается, на него возводится “революционная стратегия и тактика”. Троцкий лишь перевернул логику вечной морали, но не смог вырваться за ее рамки...»¹⁹. Именно так и обстоит дело.

Троцкий не в состоянии отказаться от принципов универсальной морали, потому что он осознает, что также принципы «большевистской» морали позволяют себя обосновать только с точки зрения общечеловеческой нравственности. Ни с каких других позиций он оправдать большевистскую мораль не в состоянии. По этой причине ему, кстати, пришлось признать тот элементарный факт, что ложь и насилие являются, с моральной точки зрения, не положительными, а отрицательными феноменами. На заданный ему вопрос, «но все же ложь и насилие “сами по себе” достойны осуждения?», он дает четкий ответ: «Конечно, как и классовое общество, которое их порождает. Общество без социальных противоречий будет, разумеется, обществом без лжи и насилия»²⁰. Также для Троцкого, таким образом, нравственным идеалом является «общество без лжи и насилия». Однако в тех случаях, когда этот идеал мешал его революционным стремлениям и целям, он немедленно, не испытывая никаких угрызений совести, отбрасывал его в сторону.

Троцкий неоднократно утверждал, что «во имя высшей цели» применение лжи и насилия дозволены, ибо «“хитрость” и “сокрытие правды” являются в этом случае лишь средствами законной самообороны против предательской реформистской бюрократии»²¹. Троцкий почему-то не упоминает здесь Сталина, который в вопросах морали придерживался такого же мнения, что и он, но он охотно цитирует в этом случае Ленина. Последний утверждал, что «надо уметь... пойти на все и всякие жертвы, даже – в случае необходимости – пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчание, сокрытие правды...»²². Для всех большевистских лидеров мораль была лишь «средством» достижения революционных целей, а не высшей целью. В тоже время (вот парадокс!) и Ленин, и Троцкий, и Сталин при первой же возможности обвиняли своих политических противников во лжи, хитрости и сокрытии правды, т. е. в нарушении тех нравственных принципов, необходимость соблюдения которых они сами все время отрицали. Но разве мораль имеет ситуативный характер? Для большевиков она действительно имела ситуативный характер. Вся «моральная» аргументация большевиков являет собой яркий пример беспринципной игры с человеческой нравственностью, от которой большевики все время желали себя освободить и от которой они себя освободить так

¹⁹ Гусейнов А.А. Этика Троцкого. С. 283.

²⁰ Троцкий Л.Д. Их мораль и наша. С. 230.

²¹ Там же. С. 235.

²² Там же.

и не смогли. Очень хорошо пишет по этому поводу Гусейнов, имея в виду прежде всего Троцкого: «как только он отдает предпочтение позиции одного класса (угнетенных) перед позицией другого класса (угнетателей), он фактически становится на точку зрения надклассовой морали, ибо у него нет оснований для такого предпочтения, кроме нравственных»²³. Все-таки полный отказ от надклассовой морали был невозможен и для большевиков. По этой причине Троцкий в своей статье постоянно переключается с дискуссии о «моральных принципах» на «дискуссию о личностях». И это очень интересный момент, на котором я обязан остановиться подробнее, ибо такой же «метод аргументации» активно использовался советской пропагандой и, что интересно, используется и современными политическими деятелями. Суть его заключается в умении превратить «критику идей» в «критику людей». Троцкий умел это делать мастерски. Мы найдем у него массу примеров применения подобного метода, который ведет к извращению любой теоретической дискуссии. Здесь мы, надо сказать, опять возвращаемся к теме взаимосвязи языка и морали, ибо тот, кто умеет осуществлять переход от «критики идей» к «критике людей», должен, как правило, отлично владеть языком. И Троцкий им действительно отлично владеет.

Защищая принципы большевистской морали, он обрушивается с жесткой критикой на своих оппонентов, советуя им ни больше, ни меньше «посмотреть в зеркало». Он пишет:

когда представители старого общества нравоучительно противопоставляют гангрене сталинизма стерилизованную демократическую абстракцию, мы с полным правом можем рекомендовать им, как и всякому старому обществу, полюбоваться собою в кривом зеркале советского термидора²⁴.

Подобные рекомендации, однако, никак не могут заменить собой теоретического дискурса об этике и морали. Но они могут вполне успешно переключить внимание с дискутируемых идей на конкретных людей. Подобный метод был, с одной стороны, отвлекающим маневром, который позволял перевести дискуссию на другие рельсы, поставив в ее центре не абстрактные принципы, а тех людей, которые их защищают. С другой стороны, в этом отвлекающем маневре в действительности проявляло себя искреннее убеждение большевиков в том, что нет и не может быть «чистых» и «безупречных» теоретических аргументов, ибо за любыми аргументами скрываются классовые интересы. Отсюда и стремление большевиков выяснить – «кто» стоит за конкретными аргументами? Это стремление демонстрирует и Троцкий. «Если мы, – говорит он, – захотим взять господ обличителей всерьез, то должны будем прежде всего спросить их: каковы их собственные принципы морали?»²⁵. Троцкий, однако, так и не доходит до «принципов морали», потому что он переходит на личности. В России «возникла в конце прошлого столетия целая школа “марксистов” (Струве, Бердяев, Булгаков и другие), которая хотела дополнить учение

²³ Гусейнов А.А. Этика Троцкого. С. 268.

²⁴ Троцкий Л.Д. Их мораль и наша. С. 228.

²⁵ Там же. С. 214.

Маркса самодовлеющим, то есть надклассовым, нравственным началом. Эти люди начали, конечно, с Канта и категорического императива. Но чем они кончили?»²⁶. И далее он характеризует своих оппонентов: «Струве – отставной министр крымского барона Врангеля и верный сын церкви; Булгаков – православный священник; Бердяев истолковывает на разных языках Апокалипсис»²⁷. Возникает вопрос – какое отношение все это имеет к теоретической дискуссии о морали?

Самое прямое, ибо язык большевизма, как мы в этом убедились, не просто «маркирует», но и «оценивает» человека; разумеется – с большевистской точки зрения. Замечания такого рода, как «Струве – отставной министр крымского барона Врангеля», а «Булгаков – православный священник», являются не просто констатацией факта, а большевистской оценкой конкретных людей и, надо признать, далеко не безобидной оценкой, потому что, окажись Струве и Булгаков в 1921 г. в Крыму или же в Москве в 1937 г., то эта оценка имела бы для них самые трагичные последствия.

Сегодня часто говорят о «западных» и «российских» ценностях, как будто бы значимость вышеупомянутых ценностей определяется одними только географическими факторами. Но за всеми этими рассуждениями о «наших» и «ваших» ценностях скрывается в действительности большевистский принцип морали, в соответствии с которым мораль может быть или «нашей», или «вашей» (это вовсе не случайность, что Троцкий озаглавил свою работу «Их мораль и наша»). Сегодня место «пролетарских ценностей» заняли «исконно русские» ценности. Классовый подход к ценностям теперь заменил национальный подход к ним. Суть вещей это, однако, никак не меняет, потому что и в первом, и во втором случае происходит замена универсальных ценностей групповыми ценностями. Универсальная мораль требует от человека признания абсолютной ценности каждой человеческой жизни и каждого человека, независимо от его социального происхождения и его политических взглядов. Но с этим основополагающим принципом мораль большевизма рассталась уже в самом начале своего существования, а современная мораль, опирающаяся на теорию «наших ценностей», к нему так и не пришла.

Заключение

Скептический читатель может задать вопрос: для чего нашему, стремительно меняющемуся миру искусственного интеллекта и смартфонов, который сегодня так далек от идей коммунизма и марксизма, нужен анализ языка и морали большевизма? Он нужен нам для того, чтобы понять одну важную вещь: между языком и моралью человека существует тесная взаимосвязь, ибо язык, как мы в этом убедились на примере большевизма, в состоянии не только

²⁶ Троцкий Л.Д. Их мораль и наша. С. 215.

²⁷ Там же.

обозначать и маркировать, но и инициировать и легитимировать уничтожение людей.

Несмотря на то что человеческий язык постоянно меняется, он сохраняет в себе традиционные идеи, какой бы характер эти идеи ни имели. Это в полной мере касается и идей большевизма. И хотя современные сторонники большевизма/сталинизма давно уже не говорят на революционном языке прошлого столетия, в их языке тем не менее продолжают благополучно существовать те идеи, которые стали причиной одной из крупнейших трагедий XX ст. Отсюда следует один важный вывод: прежде чем новые идеи станут объектом практической реализации, они должны пройти моральную легитимацию, причем пройти ее не после революционных событий, как это произошло с моралью большевизма, а задолго до них: *Ad hoste maligno libera nos, Domine!*²⁸

Список литературы

- Абраменко Л.М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев: Мауп, 2005. 480 с.
- Антоненко Н.* Языковая перестройка в ракурсе Великой российской революции. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/yazykovaya-perestrojka-v-rakurse-velikoj-rossijskoj-revoljutsii.html> (дата обращения: 28.06.2019).
- Буллер А. В.С.* Соловьёв и современность. М.: Наука, 2018. 175 с.
- Буллер А.* Этика чувств В.С. Соловьёва в контексте европейской философии // Соловьёвские исследования. 2019. № 2. С. 66–82.
- Буллер А.* Теория стыда В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2017. № 2. С. 22–30.
- Воробьева О.И.* Политическая лингвистика: Политический язык как сфера социальной коммуникации. М.: ИКАР, 2008. 296 с.
- Гусейнов А.А.* Этика Троцкого // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 264–287.
- Декрет Народного комиссариата РСФСР от 23.12.1917 «О введении нового правописания» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства». 23.12.1917. № 40. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_Наркомпроса_РСФСР_от_23.12.1917_года_о_введении_нового_правописания (дата обращения: 26.01.2020).
- Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. Москва: Мысль, 1965. С. 311–501.
- Троцкий Л.Д.* Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 212–242.

²⁸ «Избави нас от лукавого, Боже».

Morality and Language of Bolshevism

Andreas Buller

Dr. Phil. Ministry of Social Affairs and Integration Baden-Württemberg; Tomsk State University; Moscow State University of Humanities. 6 Else-Josenhans-Straße, Stuttgart, 70173, Germany; e-mail: andreas.buller@gmail.com

The first step taken by the author of this article is his attempt to show that the reform of the Russian language initiated by the Bolsheviks has been much more than just a 'reform of language' because this reform embraced almost all areas of social life. Such a strong influence of the revolutionary language was based primarily on its close connection with morality. During Russian Revolution, language and morality had become a unity and an inseparable whole. In addition, the revolutionary language and revolutionary morality formed the basis of legitimacy for revolutionary terror organized by the Bolsheviks. Due to this terror that has lasted for decades, the unity of revolutionary language and morality was gradually destroyed and challenged. Thus, the unity of revolutionary language and morality were put into great danger by reckless terror. In defense of this unity rose Leon Trotsky, who published his well-known work "Your Morals and Ours" in 1938. In his work he unsuccessfully tried to severely separate the morality of Bolshevism from morality of Stalinism. However, the author of this article is most interested in the (non)moral methods by which Trotsky tried to justify the Bolshevik terror. Nevertheless, Trotsky tried to legitimize not only Bolshevik but revolutionary morality as such. According to his conviction, revolutionary morality allows the use of force when it serves revolutionary purposes. In this case, however, even such an important theorist as Trotsky, with his (un-)moral reasoning, reached insuperable ethical limits. Because ethics does not allow the use of violence even for revolutionary purposes. Trotsky's attempt showed us that ethical arguments can neither justify nor legitimize immoral actions. This is the meaning of his moral analysis of the Russian Revolution.

Keywords: The revolutionary reform of language, language and morality, class struggle, class morality, aims and means of human actions, social conditions, personal responsibility

References

- Abramenko, L.M. *Poslednyaya obitel'. Krym 1920–1921 gody* [The last cloister. Crimea, 1920–1921]. Kiev: Maup Publ., 2005. 480 pp. (In Russian)
- Antonenko, N. *Yazykovaya perestroika v rakurse velikoj rossijskoj revolyutsii* [Linguistic restructuring from the perspective of the great Russian revolution]. [<https://historyrussia.org/sobytiya/yazykovaya-perestrojka-v-rakurse-velikoj-rossijskoj-revoljutsii.html>]; accessed on 28.06.2019]. (In Russian)
- Buller, A. *V.S. Solov'ev i sovremennost'* [V.S. Solovyov and modernity]. Moscow: Nauka Publ., 175 pp. (In Russian)
- Buller, A. "Etika chuvstv V.S. Solov'eva v kontekste evropejskoj filosofii" [Vladimir Solovyov's ethics of feelings in the context of European philosophical thought], *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, No. 2, pp. 66–82. (In Russian)
- Buller, A. "Teoriya styda V.S. Solov'eva" [Theory of shame by V.S. Solovyov], *Solov'evskie issledovaniya*, 2017, No. 2, pp. 18–35. (In Russian)
- Dekret narodnogo komissariata RSFSR "O vvedenii novogo pravopisaniya"* [About the introduction of a new spelling]. [https://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_Наркомпроса_

РСФСР_от_23.12.1917_года_о_введении_нового_правописания; accessed on 26.01.2020]. (In Russian)

Vorob'eva, O.I. *Politicheskaya lingvistika. Politicheskij yazyk kak sfera sozial'noj kommunikazii* [Political Linguistics: Political Language as a Sphere of Social Communication]. Moscow: Ikar Publ., 2008. 296 pp. (In Russian)

Guseynov, A.A. *Etika Trozkogo* [Ethics of Trotsky], in: *Eticheskaya mysl': nauchno-publizisticheskie chteniya. 1991*, ed. A.A. Guseynov. Moscow: Respublika Publ., 1992. pp. 264–287. (In Russian)

Kant, I. “Kritika prakticheskogo razuma” [Critique of Practical Reason], in: I. Kant. *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 vols.], Vol. 4, Part 1, ed. V.F. Asmus. Moscow: Mysl' Publ., pp. 311–501. (In Russian)

Trozkij, L.D. “Ih moral i nasha” [Their moral and ours], in: *Eticheskaya mysl': nauchno-publizisticheskie chteniya 1991*, ed. A.A. Guseynov. Moscow: Respublika Publ., 1992, pp. 212–242. (In Russian)